

Ольга Погодина-Кузмина

СУХОБЕЗВОДНОЕ

Документальная повесть

О братьях и
сестрах, которые
стали
"небратьями"

"Я влюбилась в девяностом и вышла замуж осенью девяносто первого года, когда государство СССР исчезло с географических карт. Эту огромную мясную тушу разрубили на части, и потекла свежая кровь. Ты, дедушка, ты, папа, и Коля, и Люда стали гражданами другой страны, но никто из нас еще толком не понимал, что это значит. Какими бедами чревато это событие для нашей семьи, которая также распадется и исчезнет".

Ольга Погодина-Кузмина

Сухобезводное

«Ольга Погодина-Кузмина»

Погодина-Кузмина О.

Сухобезводное / О. Погодина-Кузмина — «Ольга Погодина-Кузмина»,

«Иллюзии моего детства сегодня кажутся достаточно нелепыми. Например, радость от того, что я родилась и живу не в какой-нибудь там Америке (страшное, мрачное место), а в СССР. На самой великой и прекрасной Родине, где скоро будет коммунизм, а кукольные платья и самих кукол будут раздавать бесплатно. В это трудно было поверить, но так говорили взрослые. И гладили меня по голове...» Документальная повесть, текст в авторской редакции.

Содержание

Письмо первое	7
Письмо второе	9
Письмо третье	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ольга Погодина-Кузмина

Сухобезводное

Посвящается моему деду (1914–2005) и отцу (1941–2005).

Здравствуй, брат!

Давно не писала писем, поэтому немного трудно начинать. Впрочем, это всегда было нелегко; в письмах, как правило, мало правды: «У меня все хорошо, поздравляю с праздником, целую». Но эта обязанность, ставшая потребностью, продолжает тревожить. И теперь, когда не стало моих многолетних адресатов, я пишу тебе, Коля, последнему из них. Может быть, в этот раз у меня получится выжать две-три капли правды из себя и из этих листков бумаги, покрытых мелкими буквами?

Я вспоминаю время твоего и моего детства, когда умершие еще были с нами, и абрикосовые деревья были большими, а страна – бескрайней: потерянный рай, далекие берега. Сердце помнит только счастливые переживания той поры, хотя рассудок и подсказывает мне, что это не более чем иллюзия.

«Иллюзия – обман чувств, нечто кажущееся; болезненное состояние, ошибочное восприятие предметов и явлений».

Из словаря

Иллюзии моего детства сегодня кажутся достаточно нелепыми. Например, радость от того, что я родилась и живу не в какой-нибудь там Америке (страшное, мрачное место), а в СССР. На самой великой и прекрасной Родине, где скоро будет коммунизм, а кукольные платья и самих кукол будут раздавать бесплатно. В это трудно было поверить, но так говорили взрослые. И гладили меня по голове. А один дядя Андрей даже поцеловал меня взапрос, когда я лежала в кровати. Он просунул мне в рот язык и начал щупать в разных местах. Я очень удивилась про себя, но лежала тихо как мышь. Тут пришли другие родственники, которые выпивали и танцевали в соседних комнатах, и увели дядю Андрея, и начали на него кричать, и даже кажется бить, а я так и осталась лежать в полном недоумении. Я уже ходила в первый класс. Или во второй?

Уже повзрослев я узнала, что дядя Андрей был большой шишкой, он работал в райкоме и занимал какой-то высокий для своего молодого возраста пост. Он был отчимом Светы, двоюродной сестры на два года младше меня. Вскоре они все вместе уехали в Москву, на повышение.

Тогда же, в конце семидесятых, бабушка и дедушка вместе с отцом переехали из Сибири на Украину. Может быть, они рассказывали это и тебе, Коля – была очень теплая зима и в Донецке в декабре цвели розы. Они увидели эти розы и переехали в эту благодатную местность, и стали прекрасно жить и откладывать деньги мне на свадьбу. Ну, конечно, и тебе тоже, хотя до твоей свадьбы было еще далеко. Тридцать шесть тысяч было на книжке у деда, и все пропало в перестройку. Умер он в печальной нищете, и (такая вот усмешка судьбы) похоронен на мои деньги.

Дедушка. Теперь я понимаю, как ему тяжело было видеть крах своего мира. Этот мир, как уютный очаг Папы Карло, оказался нарисованным на холсте. Он долго отказывался верить в это, даже когда я, глупый Буратино, тыкала его носом в дырку: «Посмотри, посмотри! Это не настоящий очаг, это раскрашенный кусок картона! Всего делов – сорвать его и вперед, в прекрасное будущее!»...

Сегодня мне совестно за свою горячность. Упрямство и самоуверенность – эти черты характера мы с тобой, брат, унаследовали от отца.

«Для большинства людей в обществе, коллективное сознание которого подвергается корректировке (а точнее, самокорректировке), окружающая реальность перестает быть реальной и все больше приобретает виртуальный, сконструированный, искусственный характер». Из какой-то телепередачи.

Твое первое письмо, Коля, я получила в 1998 году. Здесь и начинается история, которую я хочу рассказать тебе и самой себе, чтобы понять – что же произошло между нами, брат?

Письмо первое

Привет, сестричка! Пишу тебе из мест не столь отдаленных, куда меня занесла судьба-злодейка как раз в тот момент, когда жизнь начала налаживаться в лучшую сторону. Ну ничего, как-нибудь переживем, бывает и хуже. Рассказываю по порядку. В тюрьме (Бутырка), сидел 3 месяца под следствием. Никакой связи с внешним миром, то есть с волей, не было, даже мама не знала где я два месяца. Осудили 20 января, сразу же сообщил матери, она приехала ко мне уже в другое «воспитательное заведение» (на Пресню), где я в данный момент и нахожусь в полном здравии и бодром расположении духа.

И вот решил написать тебе весточку. Надеюсь получить в ответ хоть словечко.

Папаны наши с тобой единокровный от меня отвернулся, даже ни слова не передал матери, только сказал – сама воспитала, сама и разбирайся, помочь ничем не могу. Что-то в этом роде. В общем, спивается он сам по себе, никто ему не нужен. Сам себе режиссер, как говорится.

Если ты помнишь, когда ты приезжала, ко мне заходил Денис (высокий такой). Так вот, он в шахте стал инвалидом, теперь на коляске ездит, бедолага. Я об этом когда узнал от матери, так мне 2 дня дурно было.

Теперь два слова о себе. Сидеть мне осталось год и девять месяцев. Здесь в тюрьме еще месяц-два, а потом этапом в зону, куда – не известно. Скорее бы туда доехать, там легче, хотя и здесь неплохо. Кормят хорошо, голодными не ходим. Единственная проблема – на 20 нар 50 человек, по 2 смены ютимся, в камере тесно. А так ничего, выживаем. Бывает и хуже.

Поначалу, после суда, неделю как в тумане ходил. Все не мог поверить. Когда судья сказал «два года с отбыванием в ИТК», я не поверил своим ушам. Но теперь смирился и духом не падаю. Правда, не хватает поддержки посторонней, каковую надеюсь увидеть в твоих глазах. С нетерпением жду письма с фотографией (разрешают 3 штуки) и теплыми словами. Люблю, целую, крепко обнимаю, твой негодный брат Коля.

Дорогой брат Коля!

Твое письмо потрясло меня и очень расстроило. Ведь ты был совсем мальчик, не заслуживший такого испытания и не готовый к нему.

Ты родился в семьдесят восьмом, когда мне было 8 лет. Мы с папой подошли к зданию роддома, и твоя мама, тетя Люда, просто Люда, как я ее потом называла, показала твою противную сморщенную мордашку. Ты орал и судорожно перебирал тонкими красными конечностями; но уже через год я увидела тебя круглощеким веселым карапузом. Я помню, как ты начал говорить, как быстро вытянулся и начал ходить в детский сад, а потом в школу, где тебе понадобились очки.

На детских черно-белых фотографиях мы с тобой похожи, как близняшки. Даже бабушка и дед не могли различить. Это Оля или Коля? На цветных разница есть. Ты – рыжий, медный, огненный. Потом посветлел и выцвел.

Твоя мама, Люда, быстро переняла певучий украинский говор, но наш с тобой папа всегда говорил чисто и правильно. Вы жили в маленьком шахтерском городке куда сытнее и богаче, чем мы в Ленинграде. Абрикосы и розы, хорошее снабжение, новый красивый дворец культуры, вечный огонь, у которого фотографировались молодожены. Сегодня все это обратилось в пыль, на которой моя память выводит ностальгические узоры.

Еще я помню молитву, которую неотвязно бубнил мужской голос по радио: Пономаренко, Долгих, Харитонов, Пельше, Соломенцев, Зайков и другие сопровождающие лица...

Зачем я храню в памяти этих чужих мертвецов? Ведь теперь у меня достаточно своих.

Любовь? Наверное, нам не обойтись без этого слова. Чувство потери заставляет меня воскрешать образы прошлого. Лица и голоса мужчин, которых я любила одинаково горячо: деда, отца, брата. Близких, которых больше нет со мной.

Твое письмо, Коля, потрясло меня и очень расстроило, а любовь заставила быть деятельной. Я сразу поехала в тюрьму. из Петербурга в Москву, в Новопеределкино, к знакомым, которые приютили меня (пользуясь случаем, хочу поблагодарить вас, Галя и Андрей). А потом в шесть утра через весь город, из Новопеределкино на станцию 1905 год. Или Беговая. Оттуда на автобусе. Вечером обратно. Грязное помещение, два окошка и очередь, в которой мы стояли почти весь день. Три дня подряд. Мы – это пожилые женщины (матери) и молодые (жены, сестры). Мужчин совсем мало, процентов десять. Чтобы отдать передачу и получить разрешение на свидание. Хорошо, что я не сменила фамилию, меня бы не пустили. Только близких родственников.

Письмо второе

Привет, сестренка! Пишу тебе из зоны, которая находится, как здесь говорят, на краю географии. Занесла судьба-злодейка в Нижегородскую область, в глушь, в глубину российскую. Кругом леса и болота, до ближайшей цивилизации 30 верст.

После нашего свидания через 3 дня меня увезли в Нижний, и там мы были до 3 апреля в тюрьме. Эти три недели как полгода тянулись, но вот я здесь, пока еще в карантине, но завтра поднимусь в отряд. Тут пока еще зима, снег, холод, но зато свежий воздух, от которого я за 5 месяцев поотвык. Правда, с едой тут проблема, только об этом и думаешь. Да еще и загнил тут, фурункулы по всему телу. Но это нестрашно, прорвемся. Письма твои и материны не получил, они должны за мной сюда прийти, но что-то нет пока. Матери письмо отправил, но все второпях, не думаячи. Тебе попытаюсь написать все подробно как тут и что почем. Свидание: разрешены длительные до 3-х дней, 1 раз в 3 месяца. Короткие 2-х часовые каждый месяц. Передачи со свидания не ограничены по объему. Передача: в месяц положено 20 килограмм, ограничений (как в тюрьме, только 0.5 кг чаю) нет. Можно бандероль до двух кг 1 раз в квартал. Говорят, на почте не принимают с таким весом, так что можно две посылки по 8 кг. И одну 4. Как я уже писал, со свидания можно сколько угодно пронести. Ехать сюда – до Нижнего, оттуда на электричке с центрального вокзала до станции Сухобезводное, оттуда на автобусе прямо к зоне, но автобус ходит только 2 раза – в восемь утра и в шесть вечера. Свидания (длительные) платные, около 50-ти рублей за сутки с человека.

Свидание дают в день приезда без разговоров и очередей. Обычно вначале берут короткую, так как комнаты заняты.

С 15 числа пойду на работу, плотником. Говорят, на работе время быстрее летит, а это здесь главное. Многие уходят на свободу условно-досрочно, т. е. отсидев всего две трети срока, так что через год будем надеяться на освобождение. Крепко обнимаю, люблю, целую, Коля.

Я не фотографировалась в фате и в белом платье у вечногo огня, уже тогда этот обычай казался нелепым. Может быть, на стрелке Васильевского и у Медного всадника? Уже не помню, а фотографии эти где-то затерялись.

Я влюбилась в девяностом и вышла замуж осенью девяносто первого года, когда государство СССР исчезло с географических карт. Эту огромную мясную тушу разрубили на части, и потекла свежая кровь. Ты, дедушка, ты, папа, и Коля, и Люда стали гражданами другой страны, но никто из нас еще толком не понимал, что это значит. Какими бедами чревато это событие для нашей семьи, которая также распадется и исчезнет.

Письмо третье

Привет, сестренка! Получил от тебя посылку, за что от души благодарен. Оленька, не знаю, что бы я без твоего внимания делал, ты так помогла мне в такое трудное для меня время.

Не пойму, почему ты прислала сахар, ведь я писал, что не пропускают. Очень жаль, но мне его не отдали, как ни просил. На будущее сюда все можно слать в упаковке (сигареты в пачках, конфеты в обертках, чай и т. д.), так что не обязательно все разбирать, как в тюрьме. За время, которое я здесь, начал уживаться с людьми. Есть земляки, которые меня поддержали, за что я им очень благодарен. Ничего, скоро я увижу тебя и всех, кого люблю. Огромное спасибо за витамины, они здесь необходимы, как воздух. Голодуем по-прежнему, запасов уже нет, так что в следующий раз отправляй посылку по нижеуказанному адресу. А перед тем как выслать, отправляй телеграмму, два слова – жди передачу. Теперь адрес: Нижегородская область, НЖД ст. Сухобезводное, поселок Мирный, УЗ 62/6, Бабич Виталий Иванович, 1 отряд. Так будет лучше. Ну вот, вроде бы и все. Мысли путаются, в голове бардак, нервы на пределе, обстановочка напряженная. Всех благ, удачи, любви, не забывайте меня. Жду встречи, Коля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.